

Не охлѣбъ единомъ
Будетъ жизнь
человѣка.

Кому Церковь не
мать тому
Богъ не отецъ.

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

изданіе

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СВ. СВЯТЫХЪ
ВОЛОГДСКИХЪ

← СПАСА →

СВ. СТЕФАНА
ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 82
1908.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Слово св. Златоуста на Вознесеніе Господне.— На пути въ объ-
ятія Отчи (Изъ дневника инокъ). Сообщилъ *І. А. З.*—Сила Божія и немощь
человѣческая. Марко Фраческій. *Сергѣя Нилуса.*—Дѣтубійца. (Изъ записокъ
священника.) *С. Н. М—а.*

Предлагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

СЛОВО СВЯТАГО ЗЛАТОУСТА НА ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Господь нашъ, по воскресеніи изъ мертвыхъ, многократно являясь ученикамъ Своимъ, съ любовію обращался съ ними, позволялъ осязать Себя, и былъ съ ними въ продолженіе сорока дней. Наконецъ Онъ пришелъ на гору Елеонскую, противъ Іерусалима, и тамъ въ послѣдній разъ повторилъ имъ Свои наставленія: „Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ“, говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ. „Идите же по всему міру, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, во оставленіе грѣховъ. Больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте: даромъ получили, даромъ и дайте (Іоан. 20, 21. Марк. 16, 17. Матѳ. 28, 19. 10, 8). Благословляйте гонителей своихъ, — благословляйте, а не проклиняйте. Подражайте Учителю вашему. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики (Іоан. 13, 25), если вы будете любить ненавидящихъ васъ. Вспомните, сколько зла сдѣлали Мнѣ Іудеи! Серафимы не смѣютъ взирать на лице Мое, и закрываютъ свои лица: а Іудеи били Меня по ланитамъ, Мои руки образовали челоуѣка изъ земли, и создали весь

этотъ прекрасный міръ: а Іудеи желѣзными гвоздями пригвоздили эти руки къ древу. Если Я обращу взоръ Мой на землю, земля трепещеть и трясется: а Іудеи смѣялись надо Мною, проходя мимо и кивая головами. Все Я терпѣль отъ нихъ, и не гнѣвался, не мстилъ имъ. Думаете ли вы, что Я не могъ мстить? Ангелы у Меня стояли. готовые къ мести; но Я не позволялъ имъ; простертый на крестѣ, Я молилъ Отца за враговъ Моихъ, и говорилъ: Отче Мой, прости имъ; ибо не знаютъ, что дѣлаютъ (Лук. 23, 34). Я страдалъ терпѣливо, чтобы вамъ подать примѣръ. Если бы Я только училъ, а не дѣлалъ, въ Моемъ учении была бы несообразность. Нѣтъ,—сперва Я Самъ сдѣлалъ все; а потомъ уже васъ обязываю дѣлать. Я сказалъ: Пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ (Іоан. 10, 11), и не отказался отъ смерти, будучи безсмертнымъ. Я сказалъ: благословляйте кленущихъ васъ (Матѹ. 5, 44), а не проклинаяте,—и, столько вытерпѣвши отъ Іудеевъ, никого не проклиналъ. Я все совершилъ, что предсказали о Мнѣ Пророки; и вотъ теперь восхожу къ Отцу Моему (Іоан. 20, 17). Но вы не печальтесь; Я не оставлю васъ сиротами (—14, 18); пошлю къ вамъ Духа Святаго, Господа Животворящаго, Единосущнаго Моему Отцу и Мнѣ. Да и Самъ Я съ вами, во всѣ дни до скончанія вѣка (Матѹ. 28, 20). Какъ древле былъ Я съ Моими Пророками, такъ буду и съ вами. А вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святой, и будете Мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи, и даже до края земли (Дѣян, 1, 8). Такъ говорилъ Господь ученикамъ Своимъ. И поднявъ руки Свои, благословилъ ихъ, и когда благословлялъ ихъ, сталъ отдаляться отъ нихъ и возноситься на небо (Лук. 24, 50. 51). И облако взяло Его изъ виду ихъ (Дѣян, 1, 9). Такъ Господь нашъ вознесся на небо и возсѣлъ одесную Бога (Мар. 16, 19). И когда Апостолы смотрѣли на небо, во время восхожденія Его, вдругъ представились имъ два мужа въ бѣлой одеждѣ, и сказали: мужи Галилейскіе! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, пріидетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на небо (Дѣян. 1. 10. 11). Для чего же предстали Апостоламъ Ангелы? Для чего говорили, что Господь вознесся на небо? Это было по двумъ причинамъ. Во-пер-

выхъ, Апостолы скорбѣли о томъ, что Христось разстался съ ними. А что они скорбѣли, о томъ говорить имъ Господь: никто изъ васъ не спрашиваетъ Меня: куда идешь? но отъ того, что Я сказалъ вамъ это: печалю исполнилось сердце ваше (Іоан. 16, 5. 6). Если намъ тяжело разставаться съ друзьями и родственниками; то могли ли ученики, видя разлученіе съ ними Спасителя и Учителя попечительнаго, милосердаго, кроткаго и преблагаго, могли ли, говорю, они не печалиться? могли ли не скорбѣть? Посему-то и предстали имъ Ангелы, утѣшая ихъ въ скорби, родившейся при вознесеніи Господа, тѣмъ, что Онъ опять возвратится; ибо говорятъ: Сей Иисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, приидетъ такимъ же образомъ. Вы, какъ бы такъ говорили Ангелы, опечалены тѣмъ, что Господь вознесся; но отсель не печальтесь, ибо Онъ опять приидетъ. Елисей, увидѣвъ своего учителя вземлемымъ, растерзалъ ризу свою: ибо никто не могъ, представъ ему, сказать, что Илія опять приидетъ. Чтобы того же не сдѣлали Апостолы,— явились Ангелы, утѣшая ихъ въ печали. Вотъ первая причина явленія Ангеловъ. Вторая причина такъ же важна, какъ и первая; она побудила Ангеловъ присовокупить: вознесшійся на небо. Для чего это? Какъ птица, высоковозлетающая, болѣе и болѣе скрывается отъ нашего зрѣнія по мѣрѣ того, какъ она подьмется на высоту: такъ точно и плоть она (Иисусъ-Христова) чѣмъ выше восходила, тѣмъ болѣе становилась невидимою, поелику глазъ, по слабости своей, не могъ слѣдовать за нею на столь великое разстояніе. Для сего-то явились Ангелы, сказуя о вознесеніи Господа на небо, дабы ученики не подумали, что Онъ вознесся только *яко на небо*, подобно Иліи (4 Цар. 2, 1), но что вознесся на самое небо. Потому и сказано: вознесшійся отъ васъ на небо. Илія взять *яко на небо*, потому что онъ рабъ, а Иисусъ на самое небо, ибо Онъ Господь; тотъ на колесницѣ огненной, а Сей на облакѣ (Дѣян. 1, 9). Когда потребно было позвать раба, тогда послана была колесница, а для призванія Сына посланъ царскій престолъ, и не просто царскій, но самый Отчій: ибо объ Отцѣ сказалъ Исаія: *се Господь сѣдитъ на облацѣхъ легцѣхъ* (Исаіи 19, 1). Поелику Отецъ Самъ сѣдитъ на облацѣхъ, то и Сыну равнымъ образомъ посланъ облакъ. Притомъ Илія, вознесшись, оставилъ милоть свою Елисею;

а Иисусъ, восшедши, ниспослалъ ученикамъ дары Духа Святаго, содѣлывавшіе не одного Елисея, но безчисленныхъ пророковъ, и притомъ несравненно большихъ и славнѣйшихъ онаго.—Помыслимъ, возлюбленные, объ ономъ возвращеніи Господа. И Павелъ сказуетъ: Самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела сойдетъ съ неба; и мы, оставшіеся въ живыхъ, восхищены будемъ на облакахъ въ срѣтеніе Господне на воздухъ (1 Солун. 4, 16. 17).—но не всѣ. Иные будутъ восхищены, а другіе останутся на землѣ. Послушай, что говоритъ Христось: тогда будутъ двѣ мелющія въ жерновахъ: одна берется, а другая оставляется (Матѣ. 24, 41). Еще: будутъ двое на одной постели: одинъ возметъ, а другой оставится (Лук. 17, 34). Какой смыслъ сей притчи? Подъ именемъ мелющихъ Христось разумѣетъ тѣхъ, которые живутъ въ нищетѣ и убожествѣ, а словами одръ и покой означилъ людей, живущихъ въ богатствѣ и почестяхъ. Желая объяснить, что какъ изъ нищихъ, такъ и изъ богатыхъ одни спасутся, другіе погибнутъ, Онъ сказалъ: что и изъ тѣхъ, которыя находятся на мельницѣ, одна берется, а другая оставляется, и изъ лежащихъ на постели, одинъ берется, а другой оставляется. Симъ Онъ показалъ, что грѣшные останутся здѣсь въ ожиданіи муки, а праведные восхитятся на облакахъ. Какъ при вшествіи царя въ городъ, начальники, чиновники и имѣющіе къ нему ближайшій доступъ, вышедши за городъ, встрѣчаютъ его, а виновные и осужденные содержатся въ городѣ, ожидая царскаго приговора: такъ будетъ и во время пришествія Господа. Тѣ, которые имѣютъ благую надежду, встрѣтятъ Его на воздухъ, а виновные и обличаемые совѣстію за многіе грѣхи, будутъ ждать Судію здѣсь, на землѣ. Тогда и мы будемъ восхищены. Но—говоря: *и мы*, я не считаю себя въ числѣ тѣхъ, которые будутъ восхищены. Я не такъ безчувственъ и безразсуденъ, чтобы не видѣть грѣховъ своихъ. Если бы я не опасался омрачить радость настоящаго праздника, то горько прослезился бы, сказавъ это слово: ибо грѣхи мои пришли бы мнѣ на память. Но поелику я не хочу возмущать радости сего праздника, то здѣсь окончу слово, напомнивъ вамъ объ ономъ днѣ, дабы ни богатый не радовался о своемъ богатствѣ, ни убогій не почиталъ себя несчастнымъ за свое убожество. И

если кто изъ насъ живеть благочестиво, тотъ да пребываетъ непоколебимо во благочестіи, всегда умножая сіе благое стараніе; а если мы лишены вовсе дерзновенія, и сознаемъ въ себѣ одни только грѣхи: то да исправимся, дабы намъ пріобрѣсти такое же дерзновеніе, а тамъ вмѣстѣ и единодушно встрѣтить съ достою славою Царя Ангеловъ, и насладиться блаженною оною радостно о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На пути въ объятія Отчи.

(Изъ дневника инока).

(Продолженіе).

1895 годъ. Первые шаги въ жизни. Января 17. (Память Св. Антонія Вел.). Представляй себѣ всегда Бога всевидящимъ Окомъ, смотрящимъ въ твое сердце, и соблюдешь совѣсть чистою, и завѣтъ твой съ Нимъ будетъ искренно, строго и точно соблюдаться. Чтобы не расслабляться и не унывать, знай, что Богъ всегдашній твой помощникъ, окружающій тебя ангельскимъ ополченіемъ;—съ другой стороны всегда помни, что всегдашнія, постоянныя скорби, по волѣ Божіей, удѣлъ истиннаго подвижника, исключая минуты божественнаго утѣшенія (Видѣніе Св. Антонія Великаго).

23 Февраля. О постѣ (Выписки изъ кн. „Монаш. жизнь по изреч. св. о.о. подвижниковъ“, арх. Ювеналія).

„Въждь, яко молитвою и постомъ подобаетъ тебѣ умолиши Бога“ (Чинъ постриженія).

„Сколько отнимешь у плоти, столько придашь душѣ, чтобы сіять ей духовнымъ здравіемъ, потому что не тѣлесными силами, но постоянствомъ души и терпѣніемъ въ скорбяхъ одерживается побѣда надъ невидимыми врагами“ (2 бес. Злат. о постѣ, ч. 4, стр. 19). Сказавши о должной мѣрѣ поста, Св. Исаакъ Сиріанинъ замѣчаетъ: „всякому слѣдуетъ какъ бы на вѣсахъ взвѣшивать житіе свое, умѣренному же и ревностно продолжаемому дѣланію нѣтъ цѣны“.

24 Февр. О бдѣніи. Изъ словъ св. Исаака Сиріанина.

„Не думай, человекъ, чтобы во всемъ иноческомъ дѣланіи было какое-либо занятіе важнѣе ночнаго бдѣнія“ (Слов. 40). Всякая молитва, которую мы совершаемъ ночью, да будетъ въ очахъ твоихъ достаточнѣе всѣхъ дѣяній дневныхъ (—70).

Почти дѣланіе бдѣнія, чтобы найти тебѣ утѣшеніе близкимъ по душѣ твоей (—56).

Въ сіи часы (ночи) душа ощущаетъ оную безсмертную жизнь, и ощущеніемъ ея совлекается одѣянія тьмы и пріемлетъ въ себя Духа Святаго (—4).

10 Марта. Не подмѣчай въ другихъ грѣха, это дѣло лукаваго діавола, а одно добро отыскивай, ибо человѣкъ и по созданію, а христіанинъ, какой бы ни былъ, по возсозданію и освященію Св. Духомъ, благъ: образъ благаго Бога, образъ Христа и подобіе Св. Духа. Исправляй брата своего не замѣчаніемъ въ глазу его сучка, когда въ твоёмъ еще бревно, а сочувствіемъ къ нему, какъ подобному тебѣ отображенію Отца небеснаго, съ молитвою о немъ, когда немощь твоя не стерпитъ его грѣховныхъ ранъ. Знай, что такъ, кротостью, всегда лучше исправить, чѣмъ суровымъ замѣчаніемъ, даже мыслью и взглядомъ однимъ, отражающимъ сокровенную мысль. Укрѣпи, Господи, меня въ этой главной немощи моей,—виновницѣ такъ частаго оскорбленія мною Тебя Отца Небеснаго и братій моихъ!

11-го Марта. (Суббота, 9 ч. утра. Одинъ въ своей комнатѣ. Размышляю).

Вотъ ужъ третья недѣля проходитъ, какъ нарушился порядокъ теченія настроившейся моей жизни. Иногда бываютъ минуты недовольства своимъ положеніемъ, своими однообразными, скучными, безплодными занятіями. Хотѣлось перемѣны, новой должности, новыхъ обязанностей, или совѣмъ, оставивъ все, предаться уединенію, заботѣ о своей только душѣ, созерцательной жизни. Какъ же я ошибался и оскорблялъ Тебя премудраго, милосердаго Господа своимъ внутреннимъ ропотомъ въ мысляхъ и чувствахъ! Это открыло мнѣ невольное заключеніе теперешнее мое, устроенное Твоимъ Промысломъ для опытнаго наученія меня непотребнаго, жестоковѣйнаго и непослушнаго Твоему благому о мнѣ попеченію. Вотъ обнаружился я всею—(правда не весь, а отчасти, сколько мнѣ нужно теперь),—какимъ я могу быть въ уединеніи, впрочемъ не совершенномъ уединеніи, а окруженный попеченіями самыхъ близкихъ родныхъ. Разслабленіе тѣломъ и душою, необузданное блужданіе мыслей, холодность сердечная, раздражительность, презорство и недовольство окружающими тебя своими попеченіями, возбужденіе въ себѣ и въ другихъ мрачнаго состоянія и прямое оскорбленіе ихъ взглядомъ, словомъ и дѣломъ. Вотъ познанные мною плоды моего часто желаемаго уединенія. Видно отъ себя никуда не убѣжишь, съ нами вѣчно рай и адъ. Человѣческая душа—своего рода другой міръ, во злѣ лежащій; если она избѣжитъ внѣшняго міра удаленіемъ въ пустыню, въ затворъ, то втораго никакъ не убѣжитъ ни въ пустыню, ни въ затворѣ. Напротивъ, тамъ онъ предстанетъ предъ человѣкомъ во всей своей безобразной наготѣ. Это случилось со мной: во время болѣзни мнѣ еще пришлось заглянуть въ свою

душу, дать отчетъ въ своей немного прожитой жизни. Вступалъ я въ жизнь больше съ льстивою надеждою своимъ поведеніемъ не столько послужить пользѣ другихъ во славу Божию, сколько получить похвалу отъ начальниковъ и благодарность отъ подчиненныхъ,—искалъ не славы Божіей, а славы своей, земной, суетной. При такомъ настроеніи—исправленіе своихъ обязанностей, не проникнутое любовью къ Богу и ближнимъ, смиреннымъ послушаніемъ начальникамъ и снисходительною, но правою и безкорыстною услужливостію подчиненнымъ. Отсюда успѣхъ въ исполненіи того или другого начинанія, благодарность со стороны подчиненныхъ за оказанную любезность надмевали, заставляли предпочитать себя товарищамъ безъ всякаго основанія, тщеславиться предъ подчиненными и взоромъ, и словомъ и дѣломъ (поблажкой и заискиваніемъ отъ нихъ похвалы). Наоборотъ, неудача подвергала унынію, недовольству своимъ положеніемъ и отчаянію въ своихъ способностяхъ, осужденію начальниковъ, суровости и презрѣнію подчиненныхъ, и вмѣсто прежняго легковѣрія по отношенію къ нимъ вселяла болѣзненную подозрительность. Вотъ сознанные мною грѣхъ и недостатки моей службы. И все это—проявленіе моей испорченной души, проявленіе, безъ котораго я можетъ быть не позналъ бы себя. Корень всѣхъ золъ, всей испорченности моей души и наружнаго проявленія ея въ дѣятельности это—гордость, высокое мнѣніе о себѣ. Можетъ быть по наружности я и кажусь смиреннымъ и сгорбленнымъ, но въ сердцѣ у себя являюсь возносящимся и прямовыннымъ. Точно во всѣхъ отношеніяхъ молодець. Эта-то гордость и ослѣпляетъ меня, не даетъ мнѣ вполне видѣть себя не только каковъ я внутри—въ мысляхъ и чувствахъ, но и снаружи—каковъ я въ дѣлахъ. Часто какъ будто дѣлаешь поступокъ съ благою цѣлью, а тутъ, если не въ кормѣ, то съ боку, примѣшивается или гордость подъ видомъ ревности о славѣ Божіей, или тщеславіе подъ видомъ простоты и снисходительности. Гордость же возбуждаетъ постоянно мысли къ паренію—къ мечтательности: строишь картины будущей своей жизни и вездѣ ставишь себя на первомъ планѣ, если не въ образѣ прославленнаго всѣми, признаннаго героя, то въ образѣ мученика, всѣми отвергнутаго праведника, только Богомъ однимъ любимаго. Отъ гордости и самонадѣянность, разбитая неудачами во внѣшней или во внутренней жизни, скоро переходитъ въ отчаяніе въ милости Божіей, въ упорство, нераскаянность, окаменѣлость сердечную. Отъ гордости и постоянная раздражительность безъ всякаго повода, по одному капризу надъ окружающими меня родными, и мрачность въ настроеніи—уныніе. Наконецъ, если не происходитъ, то окрашено гордостью все, что я ни дѣлаю относящагося до хрістіанской (если можно у меня на-

звать), аскетической жизни: воздержаніе въ пищѣ, чтеніе аскетическихъ книгъ, стояніе на молитвѣ... Гордостью объясняется и то, что такъ часто и вдругъ минуты особеннаго возбужденія духовной жизни смѣняются у меня періодомъ охлажденія, разслабленія, безчувствія и увлеченія чувственностію. Итакъ какъ будто (на сей разъ благодаря болѣзни) я все болѣе и болѣе признаю въ гордости своего главнаго противника, борьба съ которымъ должна быть главною моею борьбою. Такъ какъ этотъ врагъ искушаетъ меня главнымъ образомъ высокоуміемъ и раздражительностію; то смиреніе и кротость должны быть моими основными добродѣтелями. Поприще борьбы мысли и чувства и семейныя отношенія—вотъ имѣющій быть для меня подвигъ, и въ семъ особенно должно стоять на стражѣ внутренней и внѣшней: внутри пребываніе, трезвеніе и мягкое снисходительное съ униженіемъ и отверженіемъ себя обхожденіе съ родными—главныя орудія моей борьбы со врагомъ. Это опредѣляетъ мое поведеніе внутри своей собственной храмины и своей квартиры, а среди начальниковъ и начальствуемыхъ—орудіемъ борьбы со врагомъ должно быть во всемъ и малѣйшемъ послушаніе первымъ и кроткое требованіе того отъ подчиненныхъ. Однако твердо нужно помнить, что все это предписаніе отъ Господа, но все-таки немощной моей душѣ, разбитой во всѣхъ своихъ частяхъ грѣхомъ, и что орудія ея—орудія слабы. Вся же сила въ Господѣ. Безъ молитвы не долженъ я ни начинать, ни оканчивать никакого дѣла. При этомъ всякое попеченіе объ исходѣ дѣла я долженъ возложить на Господа премудраго, всемогущаго и благаго, какъ и вся жизнь моя отъ перваго шага до послѣдняго должна быть ввѣрена Ему. Никуда самому мыслью не замышлять, никуда не проситься у начальниковъ, ибо самъ не знаешь, гдѣ для тебя лучше, а живи до тѣхъ поръ, пока позоветъ Господь. Самъ Онъ поставилъ на извѣстный постъ, Самъ и сведеть. Припоминай при этомъ предсмертныя слова отца: „живите тихо, живите смиренно, чужого не берите, свое берегите (жизнь по правдѣ) и Бога помните!“

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

МАРКО ОРАЧЕСКІЙ.

Исполняется вторая тысяча лѣтъ съ той великой и таинственной ночи, когда разверзшееся небо открыло пастухамъ Вилеемскимъ сонмы силъ ангельскихъ и наполнилось дивнымъ славословіемъ: Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ чловѣ-

цѣхъ благоволеніе!.. Тысяча девятьсотъ восемь лѣтъ, какъ день одинъ, кануло въ вѣчность съ той великой и препрославленной ночи, когда Сынъ Божій, Предвѣчный Младенецъ, вся исполняяи Неописанный, вселившись въ утробу Дѣвичью, явилъ спасеніе міру Своимъ воплощеніемъ, готовясь волею Своею исполнить волю Отца Своего Небеснаго и совершить во едино съ Собою и со Отцомъ и Духомъ Святымъ все вѣрующее въ Него чело- вѣчество, искупивъ его крестной Своей смертію и воскресеніемъ отъ рабства діаволу, грѣху и смерти.

Побѣлѣли нивы, близится жатва... и жатвы такъ много, что передъ страдой предстоящей, непосильной слабымъ человѣческимъ силамъ, трепетное сердце человѣческое взываетъ къ Господину жатвы—да вышлетъ Онъ дѣлателей Своихъ на ниву Свою.

„Если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда, и она перейдетъ, и ничего не будетъ невозможнаго для васъ“... Сказавшій то Самъ Христосъ Господь, днесъ и во вѣки Той же, Онъ—Господинъ жатвы, отъ Него и дѣлатели: помолимся Ему и изведетъ Онъ ихъ на жатву Свою, на міръ Свой, на міръ души моей, на міръ всѣхъ, любящихъ Его и чающихъ втораго и славнаго Его пришествія на землю для страшнаго и нелицепріятнаго Суда надъ искупленнымъ Его страданіями человѣчествомъ.

Христосъ днесъ Той же и во вѣки! Сила Его та же теперь, что была отъ созданія и прежде созданія міра въ премірной вѣчности, и силы Его, совершающейся въ Церкви, и врата адовы не одолѣютъ. Что же это за сила такая, въ чемъ ея проявленіе? Мы, именующіе себя хрістіанами, такъ далеко ушли теперь отъ полноты и простоты первоначальнаго хрістіанскаго вѣдѣнія, что намъ непонятна и чужда стала сила эта, заключенная вся въ явленіяхъ силы и духа, а не въ словахъ премудрости человѣческой. А между тѣмъ, она была и, стало быть, она жива и до сего времени, стало быть, есть она и теперь, только мы-то, насильно отторгающіе себя отъ Первоисточника силы, ею уже вла- дѣть не въ состояніи: мы—машина, въ которой всѣ части исправны, въ котлѣ налита вода, наложены дрова въ топку—готовая къ дѣйствию, готовы къ великой и плодотворной работѣ, но нѣтъ огня и некому зажечь его, потому что не зовемъ Того, Кто одинъ этотъ огонь возжечь можетъ. А если и зовемъ, то „отъ скверны плоти и духа“, забывъ, что Богъ нашъ есть Огнь, поядаяй все нечистое.

И стоитъ наша машина безъ дѣйствія: дрова гніютъ въ топкѣ, вода въ котлѣ тухнетъ, желѣзо окисляется, покрывается ржавчиной, заклепки, проѣденныя ржавчиной, вываливаются, протухшая вода просасывается во всѣ швы и... наконецъ, рветъ и самую машину. Наложена печать разрушенія и мерзости запустѣнія...

Кто виновать?

А между тѣмъ, эта машина призвана работать и работала, и творила дѣла, какъ и тѣ, и даже больше тѣхъ, которые творилъ Тотъ, Который все Тотъ же, какъ былъ вчера, какимъ будетъ во всѣ времена, какимъ останется и въ то время, когда уже не будетъ времени, когда все пройдетъ и сотворено будетъ все новое—и новое небо, и новая земля, то небо и та земля, гдѣ правда обитаетъ и гдѣ будетъ Богъ обитать съ человѣками, и гдѣ Онъ отретъ всякую слезу съ очей ихъ, и гдѣ уже не будетъ ни смерти, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо преждее прошло.

Въ наше лютое и страшное время, когда безумцы, именующіе себя хрістіанами, возвышаютъ свой голосъ, объявляя хрістіанство дискредитированнымъ и отжившимъ свой вѣкъ, полезно и благовременно напоминать тѣмъ, чье сердце, призванное питаться и жить высокимъ, не можетъ въ тайникахъ своихъ сокровенныхъ примириться съ тѣмъ, что внушаютъ имъ хулители Духа, полезно и важно возстановить въ памяти тѣ божественныя проявленія силы хрістіанской и духа, которыми такъ велика была у Бога подвижническая вѣра Угодниковъ Божіихъ... Не новое и не свое предлагаю я вниманію тѣхъ, которые удостоятъ меня своимъ вниманіемъ, а старое и хрістіанское, настолько основательно забытое, что оно можетъ показаться не только новымъ, но для нѣкоторыхъ и... неудобъ вмѣстимымъ... Но дѣло мое—сѣять, а прозябнетъ ли и дастъ свой плодъ посѣянное сѣмя—это въ рукахъ Бога. Итакъ, съ Божьей помощью—въ путь!.. въ Египетскую пустыню, въ Еѳіопію, за много вѣковъ назадъ къ Тому Хрісту, Который и теперь Тотъ же.

„Повѣдалъ авва Серапіонъ: живя во внутренней Египетской пустынѣ, пошелъ я къ великому отцу Іоанну на благословеніе и, принявъ отъ него благословеніе, присѣлъ отдохнуть отъ трудовъ путешествія и задремалъ. И увидѣлъ я во снѣ двухъ отшельниковъ, которые такъ же, какъ и я, пришли къ старцу за благословеніемъ. Замѣтивъ меня, одинъ сказалъ другому:

— „А, это авва Серапіонъ—примемъ отъ него благословеніе“.

Тогда мой старецъ Іоаннъ, услыхавъ, что они между собою говорили, сказалъ имъ:

— „Дайте ему немного отдохнуть: онъ только нынче пришелъ изъ пустыни и очень усталъ“.

Они же на это сказали старцу:

— „Вѣдь, вотъ, сколько времени онъ трудится въ пустыни, а все не идетъ къ Марку, который живетъ на горѣ Ораческой въ Еѳіопіи. А вѣдь между всѣми подвижниками пустынными нѣтъ равнаго тому Марку: ему уже сто тридцать лѣтъ отъ рожденія

и девяносто пять лѣтъ протекло, какъ онъ подвизается въ пустынь, не видя лица кого-либо изъ живущихъ на землѣ. И вотъ, незадолго до нашего къ тебѣ прихода, были у него изъ свѣта уже вѣчной жизни нѣкоторые святые и обѣщали ему взять его къ себѣ“...

Какъ только сказали они это отцу Іоанну, я воспрянулъ отъ дремоты и, не видя никого у старца, рассказалъ ему видѣнное. На это старецъ сказалъ мнѣ:

— „Отъ Бога тебѣ это видѣніе... Только гдѣ эта гора Орачская?“...

И сказалъ я ему на это:

— „Молись за меня, отецъ!“—и, сотворивъ молитву, поцѣловалъ старца и пошелъ въ Александрію. До Александріи же пути было около двѣнадцати дней, а я его прошелъ въ пять, день и ночь трудясь въ пути по жестокой той пустыни,жигаемый днемъ такимъ солнечнымъ зноемъ, что попалялась и самая зѣмля.

Войдя въ Александрію, спросилъ я о пути къ горѣ Орачской одного купца,—какъ далеко она въ Египтіи? И отвѣчалъ мнѣ купецъ:

— „Воистину, отецъ, велика длина того пути: только до предѣловъ Египтіи, до племени Хетеевъ, двадцать дней пути, а та гора, о которой ты спрашиваешь, еще дальше“.

И опять я спросилъ его:

— „А сколько нужно будетъ на потребу тѣлесную взять съ собой пищи и питія?—хочу я идти туда“.

Отвѣчалъ мнѣ:

— „Если бы тебѣ туда отправиться моремъ, путь твой тогда не будетъ продолжителенъ, потому что морскимъ путемъ не далеко отстоятъ та страна. Ну, а пойдешь по сухому пути, то пройдешь всѣ тридцать дней“.

Услыхавъ отъ него все это, взялъ я воды въ плоскую тыкву, немного финиковъ и, возложивъ упованіе на Бога, взялся за трудъ путешествія и шелъ по той пустынь двадцать дней. И въ пути этомъ не видѣлъ ничего—ни звѣря, ни птицы: нѣтъ въ той пустынь ни покоя, ни корма—не сходятъ тамъ на землю ни дождь, ни роса, и нѣтъ въ той пустынь ничего, что могло бы идти въ пищу.

Прошло двадцать дней и вышла вся вода, что была у меня въ тыквѣ, и вышли всѣ финики, и я сильно изнемогъ: ни дальше мнѣ идти было можно, ни назадъ возвращаться. И былъ я, какъ мертвый. И вотъ явились мнѣ тѣ два отшельника, которыхъ я раньше видѣлъ въ видѣніи у Іоанна, великаго старца, и они, ставши предо мною, сказали мнѣ:

— „Встань и иди съ нами!“

И когда я всталъ, то увидѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ приникъ къ землѣ и, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— „Хочешь ли ты освѣжиться?“

И отвѣчалъ я ему:

— „Твоя на то воля, отче!“

И показалъ онъ мнѣ корень отъ сѣмянъ пустынныхъ и сказалъ мнѣ:

— „Бери и съѣшь отъ этого корня, а затѣмъ продолжай свой путь съ силой Господней“.

Я съѣлъ немного и тотчасъ освѣжился, и была безпечальна душа моя: какъ будто и не было вовсе изнеможенія моего. И, показавъ слѣдъ, на которому надлежало мнѣ идти къ святому Марку, они отошли отъ меня. Я же, продолжая свой путь, подошелъ къ горѣ настолько высокой, что она, казалось мнѣ, достигала высоты небесной; и не было на ней ничего, кромѣ земли и камней. И когда подошелъ я къ горѣ, то увидѣлъ сбоку ея море. И восходилъ я на гору ту семь дней.

Когда же настала седьмая ночь, увидѣлъ я Ангела Божія, сходявшаго съ неба къ святому Марку со словами:

— „Блаженъ ты, авва Маркъ, и благо тебѣ будетъ. Вотъ мы привели къ тебѣ отца Серапіона, котораго возжелала душа твоя видѣть, такъ какъ инаго рода человѣческаго ты не пожелалъ видѣть“.

Я же, слышавъ это, шелъ, по видѣніи томъ, безъ боязни до тѣхъ поръ, пока не достигъ пещеры, въ которой жилъ святой Марко. Когда же я приблизился къ дверямъ пещеры, то услышалъ, что святой стихословить псаломъ Давидовъ:

— „Передъ очами Твоими, Господи, тысяча лѣтъ, какъ день вчерашній“...

И прочіе стихи изъ того же псалма... Затѣмъ, отъ великаго избытка въ немъ духовной радости, началъ говорить себѣ:

— „Блаженна душа твоя, Марко, тѣмъ, что не осквернилась нечистотами міра сего, не плѣнился умъ твой помыслами скверными. Блаженно тѣло твое, что не увязло въ похотяхъ и страстяхъ грѣховныхъ. Блаженны очи твои, что не могъ ихъ пресытить діаволь зрѣніемъ красоты чуждой. Блаженны уши твои, что не услышали они ни голоса, ни призыва жалкаго въ суетномъ мірѣ. Блаженны ноздри твои, что не обоняли онѣ непріязненнаго смрада грѣховнаго. Блаженны твои руки, что не удержали въ себѣ и не прикоснулись къ чему-либо отъ вещей человѣческихъ. Блаженны твои ноги, не вступившія на пути, въ смерть ведущія, и стопы твои, на грѣхъ не подвизавшіяся. Душа твоя и плоть твоя исполнились духовной жизни и освятились сладостью святыхъ ангеловъ“...

И опять продолжалъ святой говорить къ душѣ своей:

— „Благослови, душа моя, Господа и все внутреннее мое Имя Святое Его! Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его!.. Чего скорбишь, душа моя, не бойся,—не будешь ты удержана въ темницахъ адовыхъ, и не возмогутъ бѣси оклеветать тебя: нѣтъ въ тебѣ благодію Божіею порока грѣховнаго. Ополчится за боящихся Господа Ангелъ Господень, и избавить ихъ Господь. Блаженъ рабъ, сотворившій волю Господа своего“...

И это, и многое другое, въ утѣшеніе своей души и въ утвержденіе несомнѣнной надежды на Бога, изрекъ Маркъ Преподобный... Затѣмъ подошелъ онъ къ дверямъ пещеры и съ плачемъ радости воззвалъ ко мнѣ, съ умиленіемъ говоря:

— „Какъ же великъ трудъ сына моего духовнаго, Серапіона, потрудившагося увидѣть пребываніе мое!“

И благословивъ меня обѣими своими руками и поцѣловавъ, сказалъ:

— „Девяносто пять лѣтъ я пробылъ въ пустынѣ сей и не видѣлъ человѣка. Нынѣ же вижу лицо твое, видѣть которое желалъ я уже много лѣтъ, и ты не полѣнился поднять на себя трудъ такой, чтобы придти ко мнѣ: Господь мой Иисусъ Христосъ воздастъ тебѣ воздаяніе въ тотъ день, въ который будетъ судить тайное человѣческое!“

И сказавъ мнѣ это, Преподобный Марко велѣлъ мнѣ съѣсть.

И началъ я, говоритъ Серапіонъ, спрашивать его о всякой хвалы достойномъ житіи его, и онъ повѣдалъ мнѣ:

— „Девяносто пять лѣтъ, какъ я уже говорилъ тебѣ, пребываю я въ этомъ вертепѣ, и не видѣлъ не только человѣка, но ни звѣря, ни птицы, ни хлѣба человѣческаго не ѣлъ, ни въ одежды не одѣвался. Тридцать лѣтъ я страдалъ отъ великой нужды и терпѣлъ скорбь отъ голода и жажды, и наготы, а больше всего отъ дьявольскихъ нападеній. Въ тѣ годы, вынужденный голодомъ, я ѣлъ простую землю, изморенный жаждой, пилъ воду морскую. До тысячи разъ клялись другъ другу бѣсы потопить меня въ морѣ и, схвативши меня и нанося мнѣ побои, стаскивали меня внизъ горы сей, но я вставалъ вновь и опять всходилъ наверхъ горы. И опять они влачили меня до тѣхъ поръ, пока осталась на мнѣ кожа да кости. И когда они, влача меня, били, то вопили мнѣ:

— „Уйди изъ земли нашей: отъ начала не было здѣсь ни одного человѣка—какъ же ты дерзнулъ придти сюда?“

Послѣ же такого тридцатилѣтняго страданія, послѣ такихъ страданій отъ голода, жажды, наготы и бѣсовской брани, излилась на меня благодать и милосердіе Божіе и Его смотреніемъ измѣнилась плоть моя естественная, и выросли волосы на тѣлѣ моемъ, и приносится мнѣ пища неоскудѣвающая, и при-

ходятъ ко мнѣ Ангелы Господни. И было дано мнѣ видѣть мѣсто Царства Небеснаго и обитателей душъ святыхъ, блаженства, обѣщаннаго и уготованнаго творящимъ добро. Видѣлъ я явленіе рая Божьяго и древо разумнїя, отъ котораго вкусили наши праотцы; видѣлъ и Еноха въ раю и Илію... и все чего только я ни просилъ, все показалъ мнѣ Господь“...

И спросилъ я блаженнаго Марка, говоритъ Серапіонъ:

— „Скажи мнѣ, отецъ, какъ совершился приходъ твой сюда?“

Святой, въ отвѣтъ мнѣ на это, началъ повѣствовать такъ:

— „Родился я въ Аѳинахъ и проходилъ тамъ ученіе философское. Когда же умерли мои родители, то я сказалъ себѣ: и я такъ же умру, какъ и мои родители умерли—возстану-ка я да добровольно отлучу себя отъ міра, прежде чѣмъ мнѣ неволей быть изъ него восхищену. И въ тотъ же часъ совлекъ я съ себя одежды и повергъ себя на доскѣ въ море, и, носимый волнами, по Божьему смотрѣнію присталъ къ горѣ сей“...

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДѢТОУБІЙЦА.

(Изъ записокъ священника).

Крестьянинъ деревни Скарятинскаго Томашской волости Кадниковскаго уѣзда Иванъ Батыгинъ имѣлъ весьма вспыльчивый и раздражительный характеръ. Любилъ выпить при случаѣ и когда былъ „во хмѣлю“, еще менѣе могъ владѣть собой.

Онъ былъ женатъ на второй женѣ и отъ этого брака у нихъ былъ сынъ—Филиппъ. Мальчикъ росъ бойкій и проворный, былъ очень привѣтливый ко всѣмъ, только—странное дѣло—сильно боялся своего отца, такъ что, когда Иванъ бралъ его на руки, ребенокъ кричалъ и дѣлался багровымъ, стараясь вырваться изъ рукъ отца. Ивану это не нравилось и онъ въ свою очередь не долюбивалъ своего сына. Въ то время, къ которому относится эта печальная повѣсть, мальчику было 6 мѣсяцевъ.—Разъ—на масляной недѣлѣ въ пятницу прошлаго года—Иванъ ѣздилъ на ярмарку въ Заднее село. Тамъ по обыкновенію изрядно выпилъ и подъ вліяніемъ этого помѣнялся съ какимъ-то мужичкомъ лошадами и конечно неудачно. Хорошую лошадь промѣнялъ на худую. Возвратившись домой, онъ прежде всего выместилъ свою досаду на женѣ—какъ часто бываетъ у крестьянъ въ такихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что она осмѣлилась слѣлатъ замѣчаніе ему относительно лошади и его неумѣреннаго пьянства, а затѣмъ въ весьма возбужденномъ состояніи убѣжалъ изъ дому. Бѣгая по деревнѣ, онъ между прочимъ говорилъ нѣкоторымъ, что зарѣжетъ сегодня жену и Фильку (такъ онъ звалъ своего сына Филиппа). Крестьяне и старушки уговаривали его:

—Полно, Иванъ, что ты какую страсть говоришь! Сотвори молитву

— Право, зарѣжу!

— Да за что? Что случилось то?

— А сердце больно рветъ—жаль лошади. Лошадь то была хорошая, а вымѣнялъ—никуда не годится. Рублей на 15 обманулся.

Его убѣждали, что жена и сынъ не виноваты. Да и дѣлу этимъ не поможешь.

Побѣгавъ по деревнѣ, Иванъ пришелъ домой и бросился бить жену. Маленькій Филиппъ въ это время спалъ въ люлькѣ.

Вдругъ онъ бросился къ столу со словами:

— Да что мнѣ руки-то объ тебя ломать—лучше вотъ возьму ножъ да зарѣжу васъ обоихъ.

Жена, пользуясь случаемъ, когда онъ полѣзъ въ столъ, вырвалась изъ его рукъ и спряталась въ подпольѣ. А Иванъ взялъ изъ стола ножъ, подошелъ къ люлькѣ, гдѣ продолжалъ спать младенецъ, перерѣзалъ ему горло и стремительно выбѣжалъ изъ избы. До слуха несчастной матери долетѣлъ какой-то странный и въ тоже время страшный звукъ. Она въ ужасѣ подумала: „неужели онъ зарѣзалъ ребенка?“ Слыша, что Иванъ выбѣжалъ на улицу, она вышла изъ подполья и подбѣжала къ люлькѣ. Предъ глазами матери предстала ужасная дѣйствительность: ея дитя лежало съ перерѣзаннымъ горломъ и на груди его былъ брошень окровавленный ножъ. Она вскрикнула и боясь, чтобы мужъ не вернулся бросилась вонъ изъ избы, съ ужаснымъ стономъ.—Скоро вся деревня узнала о страшномъ поступкѣ Ивана и изба его наполнилась народомъ. Всѣ желали своими глазами убѣдиться въ ужасной истинѣ. Женщины вздыхали и громко плакали, смотря на мать и ея бездыханнаго младенца. Тутъ былъ и Иванъ—онъ стоялъ у люльки и застывшимъ взоромъ смотрѣлъ на жертву своей безумной ярости.

Вскорѣ Ивана увезли изъ родной деревни въ уѣздный городъ, а потомъ по приговору суда и въ Сибирь.

Вотъ къ какимъ ужаснымъ преступлѣнiямъ приводитъ пьянство. Глубокую благодарность должно принести Гос. Совѣту и Гос. Думѣ за то, что они обратили вниманiе на эту разлагающую Россiю язву. Справедливо пьянство называется „царемъ бичей“, Дѣйствительно этотъ бичъ гораздо болѣе приноситъ вреда странѣ, чѣмъ всѣ неудачи войны, эпидемiи, холера, неурожай и т. п. Главная опасность въ томъ, что онъ портитъ и искажаетъ нравственный обликъ Россiи. Нужно бороться Правительству и всякому истинному сыну Россiи съ этимъ зломъ всѣми разумно-возможными средствами. Нельзя долѣе быть равнодушными зрителями тѣхъ вредныхъ и ужасныхъ послѣдствiй, къ которымъ ведетъ дикiй русскiй разгулъ!..

С. Н. М—ъ.